

КЭТРИН КИНГСЛИ
ВЕЛИЧАЙШАЯ
ЛЮБОВЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Katherine Kingsley
NO GREATER LOVE

Перевод с английского *В. М. Феоклистовой*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Diversion Books
и литературных агентств
Varor International, Inc. и Nova Littera SIA

Кингсли, Кэтрин.

К41 Величайшая любовь : [роман] / Кэтрин Кингсли ;
[пер. с англ. В. М. Феоклистовой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 416 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-117803-1

Для красавца аристократа Николаса Дейвентри брак единственная возможность воплотить в жизнь свою мечту — унаследовать усадьбу, в которой он родился и вырос. И снова наполнить отчий дом веселым детским смехом. А очаровательная, но бедная вдова Джорджия Уэллс кажется вполне подходящей кандидаткой на роль хозяйки этого дома и матери этих детей...

Поначалу любовь в планы Николаса не входит. Однако чем дальше, тем больше Джорджия покоряет его сердце, — и в итоге он без памяти влюбился в собственную жену. Но может ли Николас надеяться на взаимность? Ведь сердце его супруги, казалось, навеки принадлежит покойному первому мужу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Katherine Kingsley, 1992

© Перевод. В. М. Феоклистова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-117803-1

Нет больше той любви, как
если кто положит душу свою за
друзей своих.

*Евангелие от Иоанна.
Глава 15, строфа 13.*

Пролог

26 марта 1819 года

— Николас! Николас, ты где? Ответь же мне!

В голосе его матери, донесшемся до него сквозь страшный треск ломающегося дерева и оглушающее завывание ветра, звучала настоящая паника.

Он попытался позвать ее, но слова потонули в очередном ударе соленой воды; мальчик продолжал отчаянно цепляться за веревочное ограждение, когда очередная волна с ревом накрыла его. На сей раз волна оказалась сильнее его десятилетних рук — мощный водяной вал оторвал мальчика от опоры и яростно подбросил в воздух. Что-то острое ударило ему в бедро, и он, ощутив резкий укол боли, неожиданно погрузился в холодную воду разбушевавшегося моря. Вода проникла в его ноздри, заливала глаза и швыряла из стороны в сторону, как еще один обломок идущего ко дну корабля.

— Мама! Папа! — все же крикнул он, отчаянно пытаясь удержать голову над водой и озираясь в поисках чего-либо, за что можно было бы ухватиться.

Но вокруг не было ничего, кроме огромных волн, видневшихся в отдалении скал и кренившегося корабля, медленно исчезающего в волнах. А потом он и этого не видел — потом была только казавшаяся бесконечной борьба с обезумевшей стихией. Впрочем, нет, был еще и страх — отчаянный, смертельный страх! И временами ему хотелось сдаться — лишь бы уничтожить этот страх. Но что-то заставляло его бороться, что-то вселяло надежду на то, что он вновь увидит отца и мать и, возможно, даже свою собаку, если когда-либо доберется домой.

А затем что-то схватило его за ноги, обвивая их, и потянуло вниз... вниз — и почти сразу же вода накрыла его непроглядной чернотой и начала душить.

— Нет! Нет! Боже, прошу тебя, нет!

Николас резко приподнялся и сел в постели, обливаясь холодным потом. Его всего трясло, а его сердце колотилось, как целый ансамбль литавр. Молоденькая девушка, лежавшая в постели рядом с ним, смотрела на него огромными черными глазами, и она выглядела столь же испуганной, как и он.

— Проклятье... — пробормотал Николас. Он никогда не позволял девушкам оставаться на ночь, опасаясь, что может произойти именно это. А сейчас... Должно быть, после ее последних, надо сказать, очень жарких ласк он неожиданно для себя заснул.

— Уходи, — сказал он на хинди. — Оставь меня. Уходи сейчас же. Мой слуга заплатит тебе.

Девушка без возражений надела свое сари и убежала. А Николас, сделав глубокий вдох, отбросил в сторону тонкую льняную простыню, подошел к раскрытому окну и выглянул наружу. Не было почти никакой надежды даже на легкий ветерок, но после такого сна у него всегда возникало отчаянное желание наполнить легкие воздухом.

Ему уже двадцать девять лет, а его все еще терзали эти кошмары... Он надеялся, что с возрастом они оставят его, но кошмары продолжали преследовать Николаса. Он даже старался спать как можно меньше. А в детстве тайком ускользал из дома и часами бродил по округе или скакал на лошади. Впрочем, он и сейчас этим занимался. Но теперь для того, чтобы отвлечься, у него был еще и секс, а также работа, которая порой удерживала его от сна до самого утра. Но он не мог вообще отказаться от сна — и тогда приходил этот кошмар. Конечно, такое случалось не каждую ночь, иногда даже не каждую неделю, но в конце концов кошмар приходил, и Николас тонул вновь и вновь — словно недостаточно было одного раза! Но, к счастью, он тогда все-таки спасся... И уже гораздо позднее

Николас понял, что его повлекло волнами вдоль берега и довольно далеко унесло от места кораблекру-

шения. Потом выяснилось, что он оказался единственным, кому удалось спастись с затонувшего корабля. Когда же он оправился от заражения крови, ставшего следствием серьезной раны на ноге, его отправили домой, в Англию. Впрочем, не совсем домой. Но ничто не могло сравниться с Рэйвенс Клоузом — несмотря на все великолепие Рэйвенсволка. Ничто не могло сравниться с красотой сада, созданного его матерью, и ничто не могло сравниться с тихим очарованием этого дома. Дома, который должен был наполниться радостным смехом людей, поселившихся в этом доме, но в действительности, увы, почти двадцать лет простоял пустой.

После кораблекрушения целых десять лет Николас, сжигаемый нетерпением, ожидал того дня, когда, наконец, сможет предъявить свои права на Клоуз. Теперь же из-за Жаклин и ее гнусных измышлений у него не оставалось на это надежды. Впрочем, какой-то шанс, возможно, все-таки остался. Возможно...

Николас бросил взгляд на письменный стол, где рядом с горевшей свечой лежало письмо от дяди — первая весточка почти за десять лет. Он подошел к столу и вновь пробежал глазами лаконичные строки.

«Приезжай домой, Николас. Дела плохи, необходимо их исправить. Пожалуйста, Николас, приезжай домой».

Почерк был нетвердый и походил... на какую-то паутину — почерк совсем нехарактерный для педантичного и аккуратного графа. Отсутствие подробностей также было ему не свойственно. А сейчас — просто «приезжай домой», вот и все.

Николас вздохнул и протер глаза. Черт побери, что это должно означать?! Послание... похожее на повеление короля. Но с чего вдруг? Может, дядюшка дает понять, что готов все забыть и простить? Неужели после стольких лет этот человек так и не понял, что он, Николас, ни в чем не виноват? А может, он лежит на смертном одре? Может, ему не хочется умирать, не даровав племяннику прощения? Ведь Николас — единственный сын его брата. А дядюшка свято верил в семейные ценности...

— Проклятье... — в раздражении проворчал Николас. — С какой стати я должен возвращаться домой и получать прощение за то, чего не совершал?

Но на самом деле он действительно хотел получить прощение. Было невыносимо жить без семьи, — причем вовсе не потому, что таков был его выбор, а потому, что семья от него отказалась. Он очень жалел о том, что не видел, как рос маленький Сирил; и он скучал по своему грубоватому и неприветливому старому дядюшке. А вот дядюшка-то и в самом деле был кое в чем виноват... Был виноват в том, что не поверил своему племяннику. Но неужели из-за этого стоило злиться на престарелого родственника?

Николас нахмурился и швырнул записку на стол. Приятно было бы вернуться домой, если бы у него была хоть какая-то надежда на то, что Жаклин выгнали... или что она умерла от оспы. Нет, было бы еще лучше — если бы он узнал, что после страшной болезни эта девица страшно обезображена. Да-да, именно так. Это было бы справедливо. Николас усмехнулся, представив Жаклин с уродливыми шрамами на лице, Жаклин, приговоренную всю оставшуюся жизнь носить густую черную вуаль и смирившуюся с тем, что больше ни один мужчина не захочет взглянуть на нее.

Но как это ни печально, последние декабрьские новости прошлого года гласили: она по-прежнему жива и прелестна, к тому же — принялась за свои старые штучки.

Николас снова нахмурился. Будь он проклят, если позволит Жаклин издеваться над ним! Ей и так уже слишком многое удалось. Все получалось так, как хотела она. Что ж, он найдет способ поставить ее на место!

Да, наверное, и в самом деле приятно будет вернуться домой... Конечно, потребуется время, чтобы добраться туда, поскольку по суше из Индии в Европу... Черт возьми! Возможно, ему действительно придется пересечь два океана, но дело того стоило.

Рэйвенс Клоуз... На сердце стало легче при одной мысли об этом. Решив приступить к наведению порядка в своих делах, Николас уселся за письменный стол и начал просматривать бумаги.

Глава 1

Сжав ридикюль, лежавший у нее на коленях, Джорджия в изумлении смотрела на мелькавший за окном пейзаж. У нее было чувство, что ее, как чистокровную лошадь, только что бесцеремонно — и даже не извинившись — продали на лондонском аукционе «Таттерсоллз».

Но она была совсем не в том положении, чтобы спорить, и вполне искренне полагала, что ей следовало бы испытывать восторг от того, что ее берет в услужение сама леди Рэйвен, которую свет провозгласил самой модной дамой сезона. Помимо этого, леди Рэйвен имела репутацию дамы весьма требовательной — по крайней мере, в отношении всего, что касалось ее нарядов. К тому же Джорджия не раз слышала, как модистки и портнихи горько жаловались на скверный характер и прижимистость великосветской львицы. Всего этого было более чем достаточно, чтобы привести Джорджию в крайнее замешательство.

Конечно, она была не против перемен — она много всего перевидала за свои двадцать два года. Но одного Джорджия не могла понять: почему леди Хертон столь неожиданно решила отпустить ее? Ей казалось, что они неплохо ладили...

Джорджия нахмурилась, прикусив губу. Было бы ужасно, если бы леди Хертон узнала о ночных вылазках своего мужа, — хотя это вполне могло бы объяснить неожиданную холодность ее прощальных слов. «Миссис Уэллс, красивые платья значат для меня не так много, как моральные принципы...» Вот так-то!

С другой стороны, с головой у леди Хертон было не все в порядке, так что она вполне могла иметь

в виду, что деньги, которые тратит на наряды, лучше бы потратить на церковь.

Джорджия тяжело вздохнула. Ох, если бы только люди интересовались ее мнением, прежде чем принимать решения... Увы, сама она за всю свою короткую жизнь не имела ни единой возможности принять самостоятельное решение — словно не имела к собственной жизни никакого отношения...

Она не могла винить своего отца за то, что тот умер — ведь он едва ли мог хоть как-то на что-либо повлиять; наверное, был вполне оправдан и ее переезд в семью викария после смерти матери. Но выдать ее замуж за Багги, даже не поинтересовавшись ее, Джорджии, мнением — это было уже слишком. Кроме того, Багги мог хотя бы посоветоваться с ней еще до того, как своими безответственными махинациями вверг их ферму в долги. И, конечно же, он мог бы с ней посоветоваться до того, как решил заснуть на большой дороге — идеальном месте для самоубийцы, решившего свести счеты с жизнью под колесами почтовой кареты. В результате он оставил свою супругу ни с чем, то есть попросту нищей.

Описав большой полукруг, экипаж миновал внушительные ворота и покатил по длинной подъездной аллее. У Джорджии гулко забилося сердце от волнующего предвкушения, и она тут же напомнила себе о том, что Маман научила ее извлекать лучшее из самой плохой ситуации и благодарить судьбу при каждой удаче. Впрочем, в данной ситуации она могла благодарить судьбу только за то, что ей удалось выбраться из города, почти задушившего ее. Отныне ей также не придется терпеть старого лорда Хертона, который, приняв изрядную дозу горячительного, нетвердой походкой ковылял в мансарду, чтобы, как он выражался, «добыть капельку утешения». Было довольно неприятно каждую субботнюю ночь сталкивать с лестницы пожилого нетрезвого джентльмена, измученного ревматизмом. Но что ей оставалось делать? Ведь у этого джентльмена был ключ от двери ее комнаты...

Тут ее взору открылся Рэйвенсволк, и Джорджия ахнула в изумлении. Особняк этот производил впечатление... Ах, он был великолепен! Никогда еще она не видела такого красивого здания. Да, конечно, ей очень нравилась ферма Багги, да и собственный дом — тоже, но это... О, это было нечто особенное... Огромный особняк больше походил на дворец, выстроенный в стиле барокко и немного напоминавший Версаль, который она видела на некоторых картинах французских живописцев.

И особняк сверкал как само солнце. А газоны и сады, обрамлявшие этот великолепный дом, походили на оправу для драгоценного камня.

Джорджия с трудом сглотнула. Ее матушка рассказывала о подобных домах в своих замечательных историях про жизнь высшего света, и Джорджии казалось, что она вполне могла представить эти дворцы и особняки, но в сравнении с реальностью, в сравнении с Рэйвенсволком все ее фантазии оказались бледными и безжизненными. Рэйвенсволк был прекраснейшим произведением зодческого искусства, и ей подумалось, что здесь вполне можно стать счастливой просто потому, что живешь в окружении такой красоты.

Три дня спустя она уже так не думала.

— Итак, — произнесла леди Рэйвен, оглядывая Джорджию с головы до ног, словно перед ней стояла горничная или посудомойка, — вы и есть миссис Уэллс? — Дама бросила перчатки на стол и медленно обошла вокруг Джорджии. — Это вы сшили платье, которое на вас сейчас?

— Да, миледи, — ответила Джорджия, подумав о том, что лицо этой женщины — наверное, самое холодное из всех лиц, которые она когда-либо видела.

Леди Рэйвен, безусловно, была... почти красива, но все-таки в ее облике чего-то не хватало. Скулы были высокими, а нос тонкий, но чуточку длинноватый. И она оказалась моложе, чем ожидала Джорджия, — не старше тридцати с небольшим. Волосы у нее были светло-каштанового оттенка, глаза — чуть темнее и глубоко посажены,

но это ее не портило. Эта женщина показалась ей смутно знакомой, но Джорджия не могла припомнить, где могла ее видеть. Возможно — в салоне мадам Ла Салль. И модистки оказались правы: на фигуру леди Рэйвен никак не могла бы пожаловаться — высокая и стройная, с царственной осанкой, она производила необычайное впечатление.

Вроде бы все в этой даме было правильным, но Джорджия не могла избавиться от ощущения, что она видела перед собой маску. В лице этой женщины не было ни малейшего намека на теплоту; более того, взгляд ее казался жестким... и оценивающим.

— Это неподходящий наряд для вашей должности. Я видела вашу работу, миссис Уэллс. Она должна быть лучше, намного лучше, если вы хотите мне угодить. И имейте в виду: я пригласила вас, делая одолжение леди Хертон.

— Я постараюсь, миледи.

— Вот и хорошо. Но вы еще очень молоды... Я ожидала увидеть женщину постарше. Вам, должно быть, не более двадцати. Где вы научились своему ремеслу?

— Почти всему, что я умею, я научилась у своей матушки, миледи. Я также провела один год в Лондоне, где работала у мадам Ла Салль. Это было еще до того, как леди Хертон предложила мне работу. Вообще-то мне уже двадцать два, так что у меня было время приобрести опыт в искусстве шитья... — Джорджия умолкла, так как ей показалось, что леди Рэйвен задумалась о другом. — Что-нибудь еще, миледи?

— Да. Я рассчитываю, что вы будете держаться сама по себе, то есть несколько отстраненно. Вы не должны заводить приятельские отношения ни с прислугой, ни тем более с гостями. Надеюсь, вы верно определите свое место.

— Конечно, миледи, — кивнула Джорджия, думая о том, что ей, возможно, придется заточить себя в темницу.

— Вы можете гулять по территории поместья, — продолжала леди Рэйвен. — Но, естественно, только тогда, когда в доме нет гостей и когда вы закончили работу.

12 Прогулки важны для здоровья, но я категориче-

ски возражаю против вашего присутствия в центральной части дома без моего вызова. Дворецкий будет давать вам указания, которым вы должны следовать неукоснительно. Уверена, что мы прекрасно поладим, если вы усвоите эти простые правила.

— Да, миледи. — Джорджия снова кивнула.

— Кроме того, вам необходимо что-то сделать с вашими волосами. Не переносу этих легкомысленных завитков. Вы обязаны выглядеть пристойно. Скромный капор или чепец будут вполне уместны. Одеваться же вам следует в черное или серое. Но, конечно, я ни в коем случае не требую от вас монашеского одеяния. Как давно вы овдовели?

— Два года назад, миледи.

— Очень хорошо. У вас наверняка осталась соответствующая траурная одежда. Она вполне подойдет, и это позволит избежать лишних трат. Я хочу видеть вас каждое утро в одиннадцать, если только не дам накануне других указаний. Я довольно часто бываю на самых различных приемах, и поэтому мой гардероб нуждается в постоянном контроле, а бывает — и в починке. Уверена, что скоро мы привыкнем друг к другу. Благодарю вас, миссис Уэллс. До завтрашнего утра. Не сомневаюсь, что скоро вы освоитесь в Рэйвенсвольке. — Хозяйка одарила Джорджию прохладной улыбкой и удалилась; причем осанка у нее была безупречная.

Джорджия тяжело вздохнула, почувствовав, как исчезает магия, порожденная чудесным видом Рэйвенсволька. Увы, развеялась дымка мечтаний, которой Джорджия окутывала себя все последние дни, и исчезли фантазии, которыми она тешила себя. Исчезло все, кроме тягостного осознания того, что сейчас она, возможно, оказалась в необычайно сложной жизненной ситуации.

Леди Рэйвен стремительно вошла в гардеробную, и Джорджия невольно заморгала — у нее все еще болели глаза после долгой ночной работы.

— Доброе утро, миссис Уэллс. Полагаю, вы закончили мое вечернее платье.

— Да, миледи. Может, вы примерите его, чтобы я могла при необходимости что-то исправить? Если не возражаете, то платье на вешалке, за ширмой.

«Мадам в отвратительном настроении», — с беспокойством подумала Джорджия. Это она могла определить с первого взгляда, поскольку признаки такого настроения изучила уже давно. По правде говоря, она пребывала в отвратительном настроении уже целую неделю, и это, очевидно, было следствием того, что последний любовный роман этой дамы развивался не так, как ей хотелось бы. Джорджии совсем не улыбалось испытать на себе последствия подобного настроения, но похоже, избежать этого не удастся.

Леди Рэйвен исчезла за ширмой и тотчас появилась вновь.

— Что это такое? — проворчала она, держа на вытянутой руке только что сшитое платье и нервно комкая тончайший материал. — Это не то, что я просила, миссис Уэллс. Еще вчера утром я ясно дала вам понять, что именно хочу получить, не правда ли?

— Да, миледи. Но в такой короткий срок было затруднительно найти подходящий материал, поэтому я решила, что вам понравится несколько увеличенный объем бедер.

— Не оправдывайся передо мной, моя девочка! Я этого не потерплю. Платье никуда не годится. Ты заберешь эту нелепицу и к шести вечера все исправишь.

— Но леди Рэйвен...

— Ни слова больше! Ни слова, если не хотите, чтобы вам указали на дверь. Но предупреждаю: рекомендации я вам не дам. Небрежная работа, как и дерзость, у моих знакомых не допускается ни в коем случае, миссис Уэллс. И, безусловно, ни то, ни другое не допускается и здесь. — Леди Рэйвен небрежно бросила платье на спинку стула. — Белла, где ты?! — позвала она, отпуская Джорджию высокомерным взмахом руки. — Белла, почему не готова моя ванна?!

Горничная леди Рэйвен, которой Джорджия искренне сочувствовала, моментально появилась в дверях.

— Простите, миледи. Вода еще греется. Там, внизу, небольшие проблемы. Дело в том, что прошедшей ночью у Лили умерла мать, поэтому она немного припоздала.

— Уволить ее! — тоном, не допускающим возражений, произнесла леди Рэйвен. — Я не допущу подобной распушенности.

Белла раскрыла рот и тут же закрыла его, не сказав ни слова. Она понимала, что бесполезно спорить — лишь сама работу потеряешь. «Они, бедные, ничего не могут поделывать», — подумала Джорджия, и ей захотелось дать пощечину леди Рэйвен, — захотелось как следует ударить по ее холодному лицу, не выражавшему никаких эмоций. Увы, всем им теперь приходилось расплачиваться, потому что лорд Перриуолд не поддался чарам ее светлости и не согрел ее постель.

Бедная Лили... Она ведь была единственной кормилицей в семье с тех пор, как отец девушки умер от оспы.

— Что вы до сих пор здесь делаете, миссис Уэллс? — Леди Рэйвен гневно взглянула на Джорджию. — Разве у вас нет работы?

— Есть, миледи. — Джорджия стояла очень прямо, изо всех сил стараясь не дать своему раздражению выплеснуться наружу. — Но мне хотелось бы узнать ваши предпочтения, миледи. Но у меня нет больше белого атласа, и до вечера никоим образом невозможно его раздобыть. Поэтому я подумала, что вы могли бы рассмотреть вариант с двойным рядом шелковых цветочков по краю подола. Я уверена, что если начну сейчас же, то сумею закончить платье к шести вечера.

Леди Рэйвен ненадолго задумалась.

— Ладно, хорошо. А теперь, оставьте меня. Чего же вы ждете?.. Я сказала, оставьте меня! Белла, если моя ванна не будет готова через пять минут, ты также покинешь Рэйвенсволок. Предлагаю тебе подумать об этом.

Джорджия подхватила смятое платье и тихонько вышла. Она была уверена, что если когда-либо